специалистов археологов и филологов. Надо думать, что полная публикация текстов, уже начатая Виролло (в 1936 г. вышли «Danel» и «Keret»), будет закончена в скором времени. Но уже и на данной стадии изучения текстов ни один историк древнего Востока не может обойти эти важнейшие документы.

А. Ранович

Раскопки в Мари

A. PARROT—Les fouilles de Mari. Première campagne, «Syria», 1935, XVI, I,2; *Les fouilles de Mari.* Seconde campagne, «Syria», 1936, XVII, 1; *Les fouilles de Mari.* Troisième campagne, «Syria», 1937, XVIII. *La civilisation mésopotamienne.* RA, XXXI, 4, 1934.

F. THUREAU-DANGIN—Textes de Mari. RA, XXXIII, 1936. *Jaḫdunlim, roi de Ḫana.* RA, XXXIII, 1, 1936. *Notes assyriologiques.* LXXIX, *Ma'eri*, RA, XXXI, 1, 1934. *Inscriptions votives sur des statuettes de Ma'eri*, RA, XXXI, 3, 1934.

H. FRANKFORT—Mari et Opit. Essai de chronologie. RA, XXXI, 4, 1934.

Исторические судьбы Месопотамии в III и в IV тысячелетии до н. э. становятся теперь в полной мере достоянием исторической науки. Раскопки Ура[1] позволяют ныне говорить о политической и культурной истории древнейшего Шумера; раскопки древнеаккадских городов Киша[2], Эшнунны[3] и Описа проливают яркий свет на историю древнего Аккада; наконец, раскопки холма Тель-Харири вскрыли новую страницу в истории древней страны Хана, расположенной в северо-западной части Двуречья.

В хеттских, митаннийских и ассирийских надписях упоминается страна Хана; в некоторых текстах можно найти название города или государства, а также династии Мари. Однако только недавние археологические раскопки, произведенные французской экспедицией во главе с Парро на западном берегу Евфрата, дали науке богатейший материал для реконструкции истории довольно значительного государства Мари (или, может быть, точнее Маэри), соперничавшего с Эаннатумом, с Хаммураби и, может быть, с царями Угарита.

В 11 километрах от Абу-Кемаля, на западном берегу Евфрата, приблизительно на одинаковом расстоянии от Алеппо (древней Халпы) и от Вавилона, лежит холм, носящий ныне название Тель-Харири. На этот холм, таивший в себе развалины древнего города, археологи уже раньше обращали внимание. Один из них, Олбрайт, даже высказал предположение, что именно здесь находился город Мари. Но только в 1933 г. случайная находка каменной статуи обратила внимание французских археологов на этот район. Начатые в этом же году раскопки дали богатый и очень ценный материал.

---

[1] «Ur Excavations». Vol I. Al-Ubaid. By H. R. Hall, L. Woolley, C. J. Gadd, A. Keith. Oxford, 1927. «Ur Excavations». Vol. 2. The Royal Cemetery. Plates and text. By C. L. Wooley, E. R. Burrows, A. Keith, L. Legrain, H. J. Plenderleith. N. Y. 1934.

[2] Langdon and Watelin—Excavations at Kish, vol. I—IV—1925. 1934.

[3] «Oriental Institute Communications», № 13, 16, 17, 19. Chicago, 1932—1935. В. И. Авдиев—Раскопки древнеаккадского города в Тель-Амаре, «Историк-марксист», 1937, № 5—6.

Рельеф местности здесь довольно обычен для обширной и однообразной сирийско-месопотамской степи. Окруженный пустынной степью, некогда богато орошенной и тщательно обработанной, лежит холм, занимающий территорию около 1000×600 м. Высшая точка холма достигает 14 м 55 см. Река протекает в 2,5 км от холма. Можно думать, что в древности русло Евфрата проходило в непосредственной близости от города. Уже первое ознакомление с конфигурацией холмов дало возможность предположить, что под этими холмами скрываются развалины довольно значительного города, главные оборонительные сооружения которого находились на южной стороне, защищая таким образом город от вторжения с юга, может быть, из Шумера и Аккада.

Систематические раскопки холма Тель-Харири были начаты 14 декабря 1933 г. и продолжались в течение трех лет. Во время этих раскопок удалось обнаружить некоторые кварталы города, целый ряд погребений, развалины храма в честь богини Иштар, наконец, остатки громадного царского дворца. Хотя эти раскопки еще далеко не закончены, однако громадное количество найденных здесь ценнейших памятников уже дает возможность в общих чертах охарактеризовать город Мари, его политическую историю и культуру того древнесемитского народа, который здесь жил в III тысячелетии до н. э.

Первые удары заступа обнаружили следы громадной эспланады, покрытой хорошими сырцовыми кирпичами. На эту эспланаду вела кирпичная лестница. Все это сооружение покоилось на более древнем здании с кирпичными стенами, построенными на каменном фундаменте. Тип этой более древней постройки и найденная здесь статуэтка человека, держащего у груди жертвенное животное, указывают на то, что это более древнее здание относится к досаргоновской эпохе. Очевидно, вся эта постройка была частью большого здания государственного значения, существовавшего в течение ряда столетий. На это указывают и найденные в верхнем слое предметы: инкрустированные глаза статуй, бронзовые гвозди и часть большой статуи с надписью. Около этой эспланады, несколько ниже ее, был найден один из городских кварталов с очень скромными домиками, которые, очевидно, принадлежали беднякам. В другом месте был найден другой квартал бедняков. Все эти дома, построенные из плохого необожженного кирпича, сохранились очень плохо, многие из них были разрушены во время пожара. Сохранились лишь остатки канализации, большого вертикального коллектора, а также силосы, печи и кувшины. Значительно лучше сохранились погребения самого различного типа. Так, здесь были найдены расчлененные костяки, остатки трупосожжений, погребения в земле, в двух колоколообразных сосудах, в саркофагах из глины с крышкой и без крышки, наконец, в громадных сосудах с заделанным после погребения отверстием. Наряду с очень скромными могилами, обложенными необожженным кирпичом, встречаются более богатые гробницы, построенные из больших каменных плит и относящиеся к досаргоновской эпохе. Тело, в особенности голова, почти всегда завернуто в саван коричневато-пурпурного цвета. В бедных могилах инвентарь очень скуден. Но иногда встречается и более обильный инвентарь, главным образом, глиняные сосуды, которые очень напоминают керамику из Киша раннешумерийского типа. Большое разнообразие типов погребений, очевидно, указывает на очень смешанное население. Здесь в Мари, на северо-западной окраине месопотамского мира, смешивались шумерийцы, семиты Аккада и Сирии, возможно даже племена субарейско-митаннийского происхождения, создавая своеобразный тип смешанной культуры.

Другой, довольно большой городской квартал был раскопан во время второй кампании 1934—1935 гг. Здесь ничего не сохранилось от того позднейшего маленького города (A), который управлялся в конце II и в начале I тысячелетия до н. э. чиновниками ассирийских царей и остатки которого сохранились в более высоких частях холма и в могилах, вырытых на территории более древнего дворца. Зато здесь были обнаружены развалины города (B) времени III династии Ура, а также остатки города эпохи Саргона и предшествующего периода (C). Город времени III династии Ура сохра-

нился очень плохо. Осыпание почвы разрушило то немногое, что осталось после разгрома Мари вавилонским царем Хаммураби. Здесь не было найдено ни одного целого дома. Сохранились лишь погребения, по большей части в больших пифосах. Значительно лучше сохранился город С. Здесь были обнаружены довольно много домов, улицы, переулки, остатки канализации. Среди группы домов иногда удавалось установить нечто вроде площади с массивными кирпичными столбами, которые, может быть, служили для поддержки крытой галереи, своего рода рынка. В погребениях было найдено довольно много вещей: специфическая керамика, бронзовые кинжалы, лезвия и булавки, золотые серьги и кольца, наконец, цилиндрические печати с религиозными и бытовыми изображениями. Тела умерших были положены в гробах или просто покрыты просмоленными циновками.

Значительно бóльшие результаты были достигнуты при раскопках храма, посвященного богине Иштар. Развалины этого храма были совершенно случайно обнаружены в северо-западной части холма на квадрате E-V. Археологи предполагали здесь найти городские ворота, но, к своему удивлению, наткнулись на остатки древнего храма. На это указывали уже первые находки—вотивные статуэтки, часто поврежденные и разбитые, но все же имеющие большую художественную и историческую ценность. Надпись, сохранившаяся на одной статуэтке и гласившая: «Ламги-Мари, царь Мари», была первым историческим указанием, позволившим установить название города. Раскопанный город был Мари, расположенный в стране Хана.

Как показали раскопки, храм богини Иштар состоит из нескольких археологических слоев. Наиболее поздняя постройка относится ко времени Хаммураби, а расположенное ниже более древнее здание восходит к династии Мари, т. е. к XXX в. до н. э., очень напоминая архитектурную форму архаических храмов в Ашшуре.

Так как раскопки еще не закончены, трудно во всех деталях описать храм Иштар в Мари. Но то, что вскрыто, уже позволяет получить некоторое общее представление о нем. Весь храм можно разделить на две части. Западная часть заключает в себе специально культовые здания, а восточная—жилые помещения, предназначавшиеся для служащих храма. Обе эти части довольно резко отделены друг от друга. Храм был окружен большой кирпичной стеной. Проникнуть в храм можно было только через вход, расположенный в стене, выходящей на городскую сторону. Первыми помещениями, в которые попадал посетитель, были маленький вестибюль и длинный коридор, шедший вдоль стены. Слева от этого коридора расположены ряд маленьких жилых комнат, кладовых и кухонь и продолговатая комната привратника. Во время раскопок здесь было обнаружено много бытовых предметов: глиняная посуда, краскотерки и ступки из твердого камня; в углу находился очаг. В других комнатах, расположенных в глубине храма (№ 12, 13, 14), было найдено много драгоценностей, ожерелий и амулетов, что позволяет предполагать, что здесь жили жрицы Иштар, имевшие, очевидно, в своем распоряжении совершенно изолированное помещение. Далее находился большой двор, по всем признакам культового назначения. В него вели два входа, предназначавшиеся для жрецов, и один вход, ведший из коридора, доступный молящимся. На культовый характер этого помещения указывают сделанные здесь находки: статуэтки, большие обломки каменных сосудов, предметы ритуального назначения и специально культовая установка, состоящая из водоема для омовений, алтаря, колодца и жертвенника. Этот жертвенник был той границей, через которую могли переходить только жрецы. Здесь, около жертвенника, молящиеся складывали свои дары богине, главным образом, вотивные статуэтки, которые впоследствии уносились жрецами в святилище. Это святилище (целла № 17) имело форму прямоугольной комнаты размерами 9 м × 7 м. Можно думать, что против входа вдоль стены стояла длинная скамья, на которую клали обетные статуэтки. Внизу были найдены два больших медных гвоздя и таблички без надписей, очевидно, дары, положенные во время закладки здания. Две ямы, обнаруженные в полу, может быть, служили для подпор, на которые

был натянут матерчатый навес. Рядом с этим святилищем расположена другая, совершенно изолированная комната (целла № 18), в которую можно было попасть, лишь поднявшись по лестнице из двора № 20. Это было, очевидно, второе святилище богини Иштар. Здесь были найдены скамейка для даров, углубления для «святой» воды и множество вещей: вотивные статуэтки, бронзовые гвозди, таблички из камня и лазурита. В расположенном неподалеку дворе № 20 были также найдены статуэтки, фрагменты мозаик из раковин и обломки стеатитовых ваз. Характерной для этих помещений является довольно сложная система канализации.

План этого храма Иштар в Мари очень напоминает план архаических храмов Иштар (G и H) в Ашшуре. Мы видим здесь такой же вход с вестибюлем и длинным коридором, который ведет в открытый двор. Святилище с входом, расположенным на длинной стороне, как в Ашшуре, так и в Мари, характерно для севромесопотамского типа храма, образец которого был недавно обнаружен в Тель-Асмаре. Типичны для этих храмов и скамейки, расположенные в святилище вдоль стен, и пять зарытых в святилище глиняных чаш. Однако можно установить и некоторые различия между храмами в Ашшуре и в Мари. В Мари были найдены каменные фундаменты, причем здания были совершенно иначе ориентированы. Наконец, в Мари не было найдено плоско-выпуклых кирпичей, которые раньше считались типичными для раннешумерийских построек. Одновременно с использованием плоского кирпича в Мари была известна техника обработки камня. Это обстоятельство опровергает теорию Иордана, который думал, что плоско-выпуклые кирпичи были принесены в Месопотамию горным племенем, которое для своих построек раньше пользовалось только камнем и, попав в Месопотамию, сохранило об этом воспоминание в технике изготовления плоско-выпуклых кирпичей. Как теперь установлено, марийцы знали камень, но в то же время делали правильной формы плоский кирпич.

Храм Иштар в Мари, раскопанный в 1934 г., был внимательно изучен в течение 1935 г. В святилище № 17 были найдены три расположенных друг над другом жертвенника, которые соответствуют четырем основным археологическим слоям. Обследование этих слоев дало следующие результаты.

Слой *a* содержит остатки храма досаргоновской эпохи, в котором было найдено множество вотивных статуэток, стеатитовых ваз и панно, инкрустированное раковинами. Этот храм состоит из комнат жрецов, расположенных к востоку, и из культовых помещений, двух дворов и двух целл (№ 17 и 18), расположенных к западу. Все эти храмовые постройки окружены со стороны города прочной стеной из необожженного кирпича и находились в черте города внутри городских стен, около городских ворот. Храм этого слоя, как показали находки, был разрушен в 2950—2850 гг. до н. э. Эаннатумом, царем Лагаша.

Слой *b* содержит в себе развалины более древнего храма, который также делился на святилище и на комнаты жрецов. Здесь была обнаружена лишь целла № 17. Открытый двор был снабжен портиком. Священная территория не была отделена от города специальной стеной. Помещения в храме расположены далеко не симметрично и часто имеют форму трапеции. Святилище представляет собой комнату трапецоидной формы; оно украшено портиком, состоящим из пяти величественных колонн, сложенных из необожженного кирпича. Эти колонны восходят к более древнему слою *c* и позднее были лишь несколько переделаны. Водосток шел к югу и впадал в большой коллектор, находившийся под улицей. В целле № 17 был обнаружен жертвенник, расположенный на оси, проходящей через вход. Найденные здесь амулеты из лазурита и других камней, сделанные в форме лежащих зверей, цилиндрические печати типа Фара, керамика с инкрустациями из лазурита и маленькие головы безбородых мужчин дают возможность установить, что этот храм слоя *b* был построен незадолго до 3000 г. до н. э.

Слой *c* содержит в себе остатки храма, относящегося к еще более древнему времени. Этот храм в общих чертах похож на храм слоя *b*. Здесь были обнаружены на восточ-

ной стороне комнаты жрецов, а на западной стороне—двор и святилище. Открытый двор, имеющий форму трапеции, с двух сторон снабжен портиками из пяти монументальных колонн. Внутренняя стена украшена пилястрами. Этот храм может быть отнесен к 3100 г.

Слой *d* далеко не всюду вскрыт. Самая важная часть храма, зона над двором и целлой, еще не изучена. Обнаружены жилые постройки несколько иного типа, чем раньше, тщательно построенные и снабженные плинтусами из обожженного кирпича архаического типа. В 25 м к западу от этих жилых построек находилось маленькое святилище, поврежденное при постройке большой городской стены. Однако можно установить, что в данном случае уже налицо основной тип святилища, лишь увеличенный впоследствии. Здесь была обнаружена целла со скамейками и прилегающий к ней двор. К востоку от святилища обнаружены остатки двух больших комнат, может быть, принадлежавших жрецам. Этот храм был, возможно, построен около 3200 г. до н. э.

Различные предметы, найденные в значительном количестве в различных слоях этого храма, представляют большой исторический и историко-художественный интерес. Одно из первых мест среди них занимают вотивные статуэтки высотой от 15 до 50 см, которые обычно возлагались на скамейку в святилище храма. Статуэтки эти сделаны из разных видов камня. Самым дорогим видом был, очевидно, белый алебастр, а самым дешевым—гипс, который добывался в расположенных по близости каменоломнях. Все статуэтки можно разделить на две группы: на художественно выполненные портретные изображения определенных лиц и на статуэтки типично массового, серийного производства. Особенный интерес представляют бытовые детали, как, например, тип бытовой и ритуальной одежды, жесты религиозного поклонения (адорации) или бытовые позы. Наконец, несомненное историческое значение имеют надписи, помещенные на статуэтках знатных лиц и содержащие титул и имя изображенного человека и имя божества, которому посвящена данная статуэтка. Некоторые статуэтки представляют большой исторический интерес. Таковы, например, статуэтки царя Мари, по имени Ламги-Мари, чиновника Эбих-или, снабженная надписью архаического типа, чиновника Идинарум, носящего титул «заведующего снабжением мукой и зерном», наконец, статуэтка богини Иштар. Большое художественное значение имеет ряд бытовых статуэток, отличающихся большим разнообразием. В этом отношении можно отметить скульптурную группу сидящей четы, отличающуюся мягкой и свободной трактовкой тела и чертами несомненного реализма. Не менее интересна и другая скульптурная группа, изображающая двух музыкантов с рогом в руках, выдержанная в стиле своеобразного гротеска. Статуэтки более позднего типа относятся ко времени I вавилонской династии и отличаются большой утонченностью художественного стиля и сложностью костюмов и украшений. К сожалению, эти статуэтки, представляющие очень большой интерес, сохранились в большинстве случаев лишь в обломках. Поэтому среди них особенное значение имеет нетронутая и целая статуя мужчины с именем князя Иштуп-илум.

Крупное историческое значение имеют также найденные здесь культовые сосуды, украшенные геометрическим орнаментом или стилизованными изображениями животных. Среди них заслуживают внимания фрагмент М. 150 с рельефным изображением львиноголового орла, сделанного из голубовато-зеленого стеатита. Эта эмблема, столь типичная для религиозной символики шумеро-аккадской эпохи, встречается на различных памятниках, найденных во многих пунктах Двуречья, что доказывает близость культуры Мари к культуре городов Шумера и Аккада, известных нам по более ранним раскопкам. Не менее интересен и сосуд М. 267 с изображением льва, побеждающего гигантского змея. В виде аналогий можно в данном случае привести сосуд с именем Эримуша, хранящийся в Берлинском музее, и аналогичный сосуд музея в Стамбуле. Далее следует отметить амулеты в форме совы и орла, бронзовые предметы домашнего обихода, как, например, гвозди, булавки и иголки, бронзовые вотивные вещи, например большие гвозди, которые клались во время закладки храма вместе с табличками из

лазурита, белого камня и серебра. Интересны также образцы глиптики, в особенности цилиндрические печати с изображением героя Гильгамеша и Эабани, побеждающих диких зверей, очевидно относящиеся к досаргоновской эпохе. Но особенно выделяется среди всех этих мелких вещей инкрустация из раковин, красного камня, шифера и лазурита, изображающая процессию воинов, ведущих пленников. Среди них выделяются фигура знаменосца, несущего штандарт с фигурой, очевидно, священного быка, и изображение запряженных онагров. Можно думать, что здесь изображена сцена триумфа семитов—племени Мари над шумерийцами и что эта инкрустированная таблица была поставлена в храме Иштар в честь какой-то победы царя Мари над Шумером, вероятно, около 2900 г. до н. э. Впоследствии эта таблица была разбита во время вторжения Эаннатума в Мари. Чрезвычайно близкая по технике инкрустации, по мастерству выполнения и по своим реалистическим чертам к известным штандартным таблицам, найденным в Уре, инкрустация из Мари, весьма возможно, относится приблизительно к той же самой эпохе. Наряду с этим интереснейшим предметом следует отметить найденное в храме Иштар в Мари, к сожалению, в поврежденном виде, мозаичное панно из раковин. Здесь сохранились голова безбородого мужчины, бюст бородатого воина, парадные одежды и изображение богини в развевающейся одежде.

С точки зрения материальной культуры интересны образцы керамики: вазы, кувшины и чаши, найденные в обломках в комнатах жрецов. Эти сосуды сделаны на гончарном круге, хорошо обожжены, но не покрыты ангобом. Сосуды другого типа покрыты легким зеленоватым ангобом и снабжены красноватой росписью. Среди этих сосудов представляют интерес ритуальные сосуды, чаши, как простые, так и на подставках, очень похожие на аналогичные сосуды досаргоновской эпохи, найденные в Ашшуре.

Наконец, в слое *b* храма богини Иштар были найдены прекрасные амулеты из лазурита в форме одного или двух лежащих быков, напоминающие аналогичные амулеты из Ура, далее фигурка быка с головой бородатого мужчины и две прекрасные цилиндрические печати с типичными сценами, в которых представлена победа героев над дикими зверями. Эти печати очень близки к печатям, найденным в Уре, в самой древней части царского кладбища. Поэтому они позволяют датировать этот археологический слой приблизительно 3000 г., образуя в то же время цельный археологический комплекс с другими, найденными здесь же вещами—амулетами, инкрустациями из лазурита и раковин и образцами керамики.

Раскопки города и храма Иштар уже дают некоторое представление о том, что представляла собою культура Мари в III тысячелетии до н. э. Однако это представление было бы неполным, если бы археологам не удалось найти развалин громадного, роскошного и прекрасно сохранившегося царского дворца с богатым архивом клинописных документов. Найденные здесь в довольно большом количестве надписи проливают новый свет на политическую историю не только Мари, но и всей Месопотамии в III тысячелетии до н. э.

В течение двух лет была раскопана довольно значительная часть этого грандиозного дворца, состоящая из 138 помещений, занимающих площадь в $1^1/_2$ га. Хотя дворец еще далеко не весь раскопан, прекрасная его сохранность (стены местами сохранились высотой до 5 м) позволяет восстановить не только его план, но даже целый ряд архитектурных деталей. Дворец, очевидно, строился постепенно, частями, причем основным принципом планировки помещений является размещение вокруг длинного открытого двора ряда комнат, сообщающихся или непосредственно между собой, или через этот двор. Свет проникал в комнаты через широкие двери, выходившие в открытый двор. Парро допускает возможность того, что между балками потолочных перекрытий, в тех местах, где крыши располагались террасами, могли быть особые осветительные «фонари». Однако это предположение не может быть подтверждено даже малейшими археологическими данными. Основным материалом, послужившим для постройки

дворца, был крупный необожженный кирпич. Непрочность этого кирпича принуждала строителей дворца доводить толщину стен до 3—4 м. Пол в большинстве случаев вымощен хорошим обожженным кирпичом или покрыт слоем гипса.

Жилые покои правителя и его семьи были найдены в северной части дворца. Эти помещения, расположенные вокруг двора № 31, устроены лучше и красивее, чем

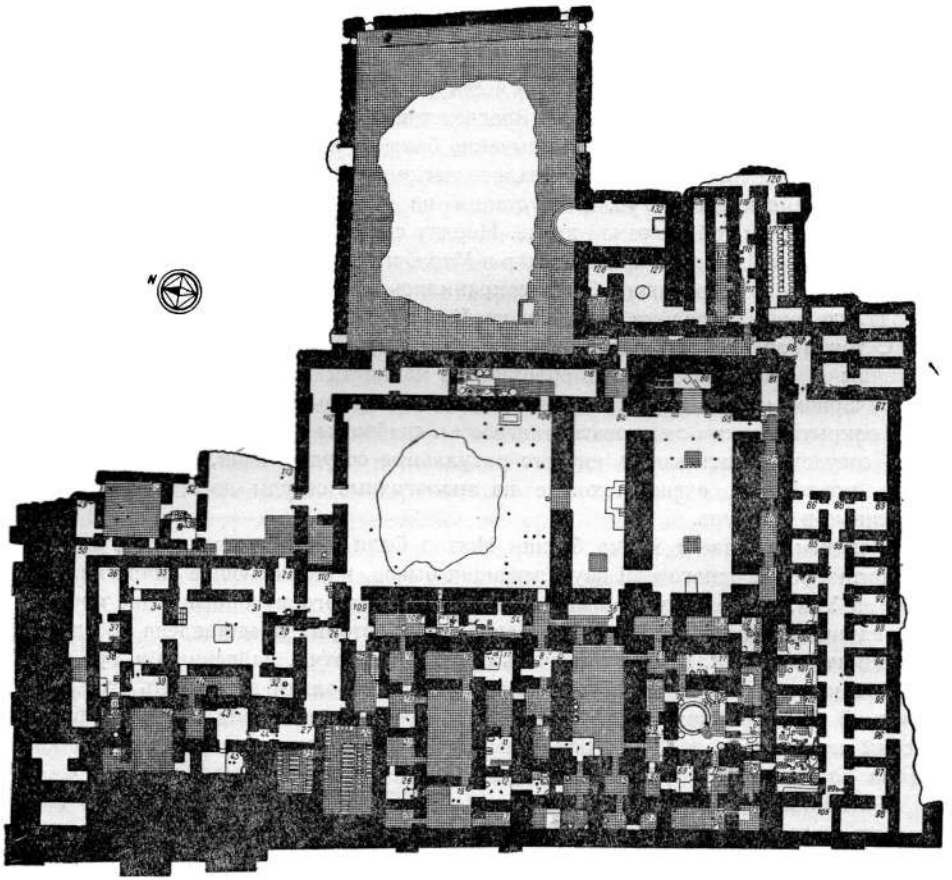

Рис. 1. План дворца в Мари по раскопкам 1936 г.

остальные. Пол здесь покрыт толстым слоем полированного гипса, стены побелены и расписаны геометрическим узором, местами даже сохранились следы более сложных фресковых композиций. Парадные помещения дворца, очевидно, находились в его восточной части. Здесь был обнаружен большой прямоугольный двор с небольшой возвышенной трибуной, на которую вела небольшая лестница. Очевидно, этот двор, живо напоминающий аналогичный зал во дворце Билаламы в Эшнунне, был тоже тронным залом, непосредственно соединенным с дворцовой часовней. Сохранившиеся части стен достигают 5 м высоты, но можно думать, что первоначально их высота достигала 9 м 50 см. Средняя часть этого двора была открытой, но вдоль стен на высоте 2 м 20 см шел навес, поддерживаемый небольшими балками. На это указывают отверстия для балок, сохранившиеся в стенах. Над каменным цоколем, на котором стоял царский трон, в стене обнаружено два ряда дыр, очевидно, для балок, поддерживавших как навес, так еще и особый балдахин. Навес, существовавший в этом дворе, очевидно, несколько напоминает тот навес, который устроен в священном дворе Каабы в Мекке.

Между официальной и жилой частью дворца находились две залы, по всем признакам служившие помещением для дворцовой школы. В большой зале обнаружено шесть рядов скамеек, рассчитанных на 1, 2 и 4 человек. Тут же найдены глиняные чернильницы и таблички с клинописными надписями. В соседней, несколько меньшей, школьной комнате найдены три ряда скамеек и следы сгоревших балок потолка. Археологам, раскапывавшим царский дворец в Мари, посчастливилось найти не только школьные помещения, но и архив, расположенный в юго-восточной части дворца. Здесь было обнаружено 1 600 табличек, сложенных в больших кувшинах. Это по большей части документы хозяйственной отчетности. Писец, сидевший в этой комнате (№ 5), очевидно,

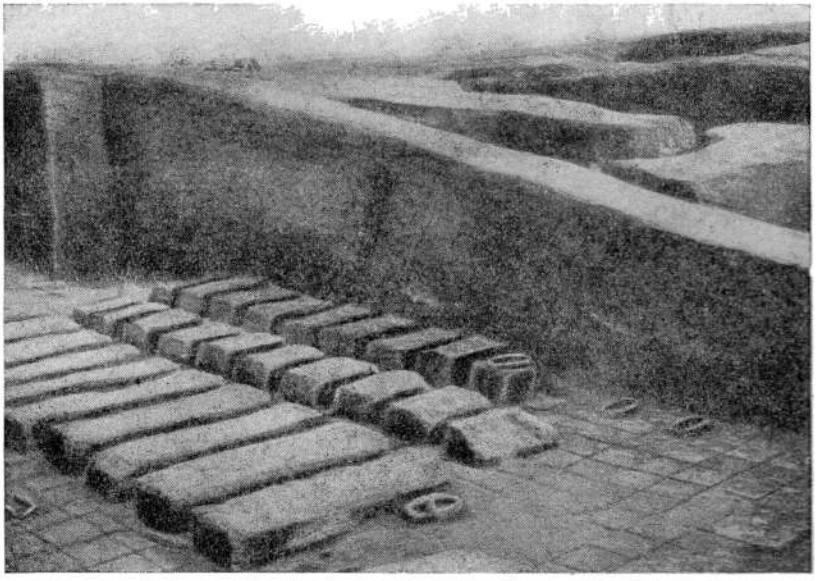

Рис. 2. Дворец в Мари. Школа

записывал продукты, хранившиеся на соседнем дворе, где было обнаружено пять громадных кувшинов, предназначавшихся для хранения продовольствия. Во время раскопок были обнаружены ванные комнаты, уборные и кухни с остатками посуды и печи. Весь дворец был оборудован хорошей системой водостоков, уходивших на глубину до 12 м. Как многие древневосточные дворцы, дворец царей Мари был окружен стеной из кирпича-сырца. Эта стена, так же, как и стена дворца Рамзеса III в Мединет-Абу, имела несомненное оборонительное значение. На это указывают контрфорсы, внутренние казематы и угловой бастион, построенный на прочном фундаменте, сложенном из хороших каменных плит.

Можно думать, что в своей центральной части к югу и к западу от комнаты № 65 дворец имел два этажа. На это указывают сохранившиеся в комнатах № 80 и 82 ряды отверстий, очевидно, служившие для укрепления балок потолочного перекрытия первого этажа и пола второго этажа. Судя по расположению и размерам этих отверстий, пол второго этажа поддерживался массивными, тесно лежавшими балками. Весьма возможно, что на высоте 10 м от нижнего уровня находились террасы. Пол этих террас был покрыт большими обожженными кирпичами, уложенными на балочную основу, покрытую плетенкой из веток. Сверху пол, устроенный таким образом, был покрыт толстым слоем плотного гипса. Скат, водосточные трубы и широкие водостоки служили для отвода дождевой воды.

Хозяйственные помещения, как, например, кухни, кладовые, сыроварни, склады, погреба и канцелярии, были сосредоточены в западной части дворца. Эта часть дворца несколько раз подвергалась перестройкам, что очень затрудняет датировку некоторых архитектурных элементов. Найденные здесь предметы представляют довольно значительный интерес с точки зрения истории материальной культуры. Во внутреннем дворе № 70 были обнаружены две печи со сводчатым покрытием, а в соседней комнате № 77— большой набор художественно украшенных форм. Устройство этих печей, отсутствие в них следов сильного огня и внешний вид глиняных форм позволяет думать, что здесь находилась сыроварня. Из двора № 70 до перестройки дворца, происшедшей в асси-

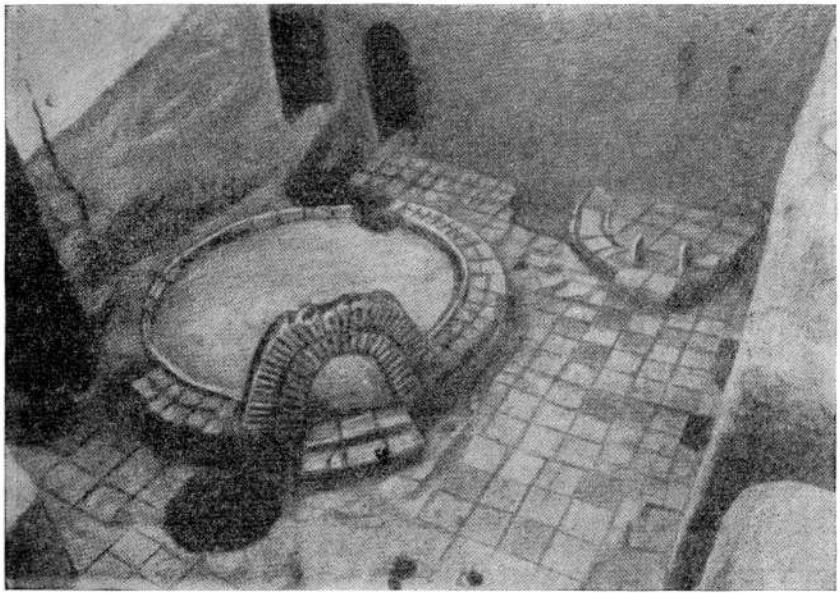

Рис. 3. Дворец в Мари. Две печи во дворе № 70. Сводчатые покрытия рухнули

рийскую эпоху, можно было легко попасть в южную часть дворца, где по обе стороны длинного коридора были расположены склады, совершенно так же, как в больших критских дворцах, например, как в западной части фестского дворца. Между этими складами и сыроварней находился погреб, в котором было обнаружено восемь громадных кувшинов высотой в 115 см и с диаметром, равным 110 см. Другой погреб (№116) находился в официальной части дворца, к востоку от большого центрального зала. Здесь были найдены in situ одиннадцать громадных кувшинов, расположенных на длинной, идущей вдоль стен подставке, что очень напоминает аналогичное устройство погреба, найденного во дворце в Маллия.

Но, конечно, главной частью этого дворца была его официальная, парадная часть, несомненно, имевшая культовое значение. Таким образом, дворец в Мари, так же, как и дворец Рамзеса III в Мединет-Абу или дворец Билаламы в Эшнунне, был не только резиденцией царя и своего рода административным центром, но в то же время и крепостью, центральной частью которой был храм общегосударственного значения, где, возможно, совершались публичные церемонии при большом стечении народа.

В средней части царского дворца в Мари был обнаружен самый настоящий храм, естественно распадающийся на две особые части, как это ясно показали раскопки 1935—1936 гг. Первой частью этого храма является длинный тронный зал (№ 65), в короткой стене которого находилась широкая дверь, ведшая в святилище,

расположенное на возвышении. Второй частью храма был продолговатый зал № 64, у длинной стены которого находилось небольшое возвышение (podium), расположенное на оси, проходящей через три двери. К этой второй части относятся и прилегающие к этому залу помещения. Таким образом, мы видим здесь соединение в одном архитектурном комплексе двух типов древнемесопотамского святилища, которые обычно принято называть «северным» и «вавилонским» типами. Возвышение в зале № 64 было украшено многокрасочным орнаментом, воспроизводящим форму спирали и языков пламени. Судя по этому узору, а также по обломкам найденной тут же культовой статуи богини с сосудом в руках, можно думать, что эта статуя богини воды стояла на этом постаменте и была тесно связана с широко распространенным на древнем Востоке культом священных стихий воды и огня. Из зала № 64 широкий открытый портал вел

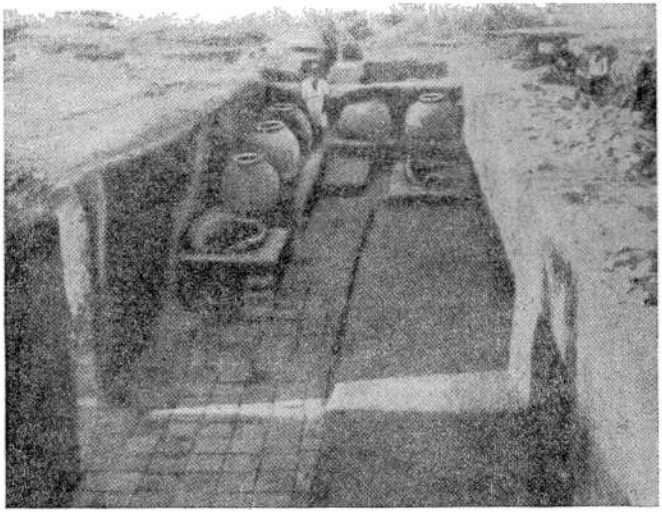

Рис. 4. Дворец в Мари. Погреб с большими кувшинами

в большой, роскошно отделанный прямоугольный двор № 106. Пол этого двора был покрыт гипсом, а стены богато украшены орнаментами и фресками. В полу были обнаружены 25 маленьких кубических камней с отверстиями, которые, возможно, служили для закрепления шестов, поддерживавших легкое покрытие зала, необходимое для защиты роскошной орнаментации стен от солнца и дождя. Двор № 106 окружен коридорами, по которым царь мог незаметно от народа, стоявшего в этом дворе, проходить в тронный зал. К востоку от этого двора был обнаружен другой большой двор (№ 131), откуда полукруглая лестница вела в святилище с возвышением внутри (№ 132). Роспись религиозного характера указывает на культовое значение этого святилища. Однако Парро допускает возможность того, что это помещение могло быть также приемной царя.

В развалинах этого большого дворца был найден ряд интереснейших в историческом отношении предметов и надписей. Среди найденных предметов следует отметить 47 форм для изготовления пирожных, сыров и молочных блюд, подававшихся на царский стол. Тончайшие художественные изображения, покрывавшие эти формы, указывают на высокое развитие прикладного искусства этой эпохи. Наряду с геометрическими узорами, мы находим здесь хорошо выполненные изображения животных, бытовые сцены и сцены религиозного характера. Некоторый интерес представляют отдельные детали, как, например, тюрбан индийского типа, украшающий голову стоящей обнаженной женщины, держащей себя за груди.

Большой интерес представляют также рельефы и статуи, найденные во дворце, как, например, рельеф с изображением богини, нюхающей цветок. На голове богини тиара, украшенная четырьмя рядами рогов. Интересным образцом религиозной скульптуры этой эпохи является уже упомянутая выше статуя богини с сосудом в руках.

Но особенно крупное историческое значение, конечно, имеют таблички с клинообразными надписями, в большом количестве найденные в развалинах дворца. В архиве, в школе и в двух других комнатах было найдено в общей сложности около 16 000 табличек. Наряду с документами хозяйственной отчетности, здесь встречаются исторические тексты, фиксирующие факты крупного экономического и политического значения, а также многочисленные дипломатические послания. Среди надписей историче-

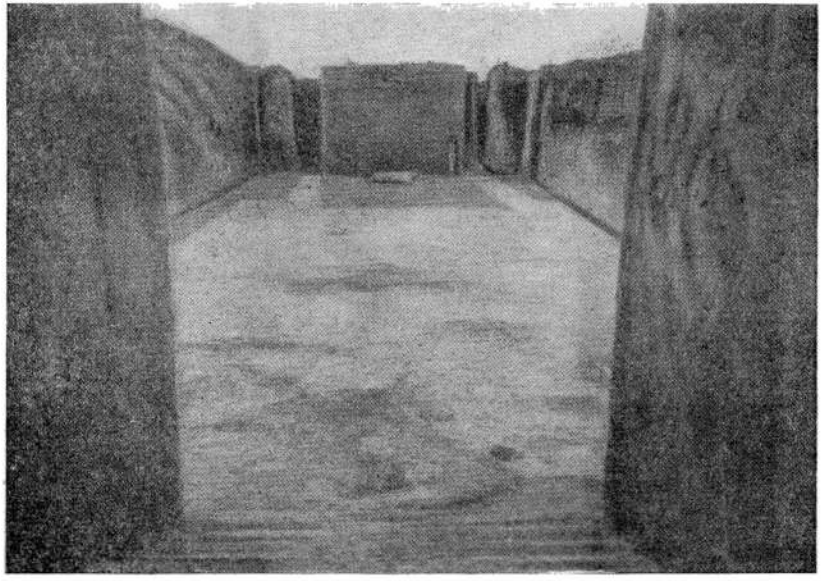

Рис. 5. Тронный зал дворца в Мари (двор № 65). В центре каменный цоколь трона

ского характера большой интерес представляет надпись на глиняном диске, принадлежащая царю Иахдун-лим, который называет себя царем Мари, Туттила и страны Хана[1]. В этой надписи Иахдун-лим сообщает о большой победе, одержанной над семью царями и о покорении их стран. Одновременно с этим он сообщает о водворении им в стране мира, об открытии каналов, об укреплении городов Мари и Тирка и об основании «в странах сожженных, в месте жажды», т. е. очевидно в пустынной области, нового города, которому он дал свое имя, назвав его «Дур-Иахдунлим». То обстоятельство, что один из царей Мари в этой своей торжественной надписи упоминает наряду с фактами крупного политического значения также и об открытии каналов и о постройке нового города в пустынном районе, прекрасно подтверждает слова Энгельса, что «земледелие здесь построено главным образом на искусственном орошении, а это орошение является уже делом общины, области или центральной власти...»[2].

---

[1] F. Thureau-Dangin—Jaḫdunlim, roi de Ḫana. RA, XXXIII, I, P., 1936, p. 49—52.

[2] Ф. Энгельс—Письмо к Марксу от 6 июня 1853 г. (Маркс и Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 494).

Много интересных исторических фактов можно извлечь также из большого дипломатического архива последнего царя Мари, носившего имя Зимрилим. Здесь сохранилась переписка этого царя со своими послами, эмиссарами, шпионами, а также с Хаммураби, царем Вавилона. Одно сохранившееся в этом архиве письмо ясно рисует взаимоотношения, существовавшие в эту эпоху между Мари и Вавилоном. Судя по этому письму, приблизительно около 31-го года царствования Хаммураби, государство Мари находилось в союзе с Вавилоном. Так, мы узнаем, что в это время Хаммураби во главе своих войск осаждал город Манкису, находившийся на левом берегу Тигра. Среди вавилонских войск находился экспедиционный корпус вавилонского союзника Зимрилима, царя Мари, который находился под командованием некоего Ибал-пи-эля. Хаммураби со своей стороны посылает подкрепления Зимрилиму, в частности во время той войны, которую царь Мари вел со страной Субарту. Имеются некоторые основания предполагать, что этот союз был в некотором отношении вынужденным для царя Мари и выгодным лишь для Вавилона. В нескольких письмах Зимрилим и его чиновники жалуются на то, что Хаммураби не посылает царю Мари достаточного количества военных подкреплений. В одном письме корреспондент царя Мари, очевидно, один из мелких князей Месопотамии, благоприятно относившийся и к Мари и к Вавилону, все же ясно подчеркивает, что он принужден повиноваться Хаммураби, как более сильному партнеру. Особенно характерны в этом письме следующие его слова: «И теперь с тех пор, как я сел на престол своего отца, я твой сын и сын Хаммураби. То, что Хаммураби мне говорит, я делаю» (F. Thureau-Dangin—Textes de Mari. RA, XXXIII, 4. P. 1936, p. 177). Мы знаем, чем кончился союз между Мари и Вавилоном. Хаммураби, проводивший последовательную военно-агрессивную политику, в нужный момент сбросил с себя лицемерную маску союзника и друга Мари и, пойдя войной на Зимрилима, разгромил в 33-м и 35-м годах своего царствования богатое государство Мари.

Рис. 6. Статуя богини с сосудом в руках. Выс. ок. 150 см

Таков тот богатый исторический и историко-культурный материал, который дали науке раскопки в Мари. Подводя краткие итоги, мы можем сказать, что они открыли новую страницу в истории Северо-западной Месопотамии. Раскопки в Мари ясно показали, что в этой части Месопотамии в III тысячелетии до н. э. существовало довольно значительное и культурное государство, тесно связанное с городами Шумера, Аккада и древнейшей Ассирии. Целый ряд аналогий, позволяющих сближать архитектурные формы, скульптурные произведения, амулеты, керамику, инкрустации из раковин, предметы религиозного культа, религиозные обычаи, характерные для Ура, Киша, Описа, Эшнунны, Мари и Ашшура, говорят о том, что в III тысячелетии до н. э. отдельные государства Месопотамии были тесно связаны между собой прочными экономическими и культурными нитями. Эти аналогии иногда настолько близки, что можно даже говорить об однотипной культуре, объединявшей всю Месопотамию в единое культурное целое уже в досаргоновскую эпоху. Наконец, упоминание в текстах из Мари государства Угарит и целый ряд аналогий, которые сближают искусство Мари с хорошо известными образцами эгейского искусства, еще больше расширяют пределы той территории, на которой развертывалась единая по своему существу политическая и культурная история стран древнего Востока.

Проф. В. Авдиев